

ЯЗЫК – ТЕКСТ – ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Н.Манаенко

Ставропольский университет

ТЕКСТ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДИСКУРС

Современная лингвистическая проблематика, предопределенная иным видением объекта исследования, требует разработки соответствующего понятийно-терминологического аппарата. К числу элементов нового инструментария лингвистов относится и термин *дискурс*, который актуализировался в языковедческих работах с конца 60-х годов XX века. В целом можно утверждать, что независимо от национальной лингвистической школы или теоретического направления термин *дискурс* с самого момента своего появления всеми учеными применялся для исследования и описания явлений, относящихся к речи: "... дискурс – это первоначально особое использование языка... для выражения особой ментальности" [8: 38]. Именно ориентация на глобальное противопоставление *языка* и *речи*, а порою и стремление преодолеть его во многом обуславливают наблюдаемую и в наше время множественность интерпретаций термина *дискурс*, а также выделение различных аспектов в изучении явлений, подводимых под его предметную область

В определении речи можно выделить два ключевых понятия, существенных не только для понимания феномена самой речи, но и для обоснования понятия дискурса: *речевая деятельность* и *текст*. Если в начале своего применения термин *дискурс* в некоторых трактовках опирался на нерасчлененный термин *речь* (по Ф. де Соссюру), то сейчас общепризнанные интерпретации содержания *дискурса* отталкиваются от одной из

сторон речи: либо от понятия текста, либо от понятия речевой деятельности. То нечто безусловное, действительно отличающее дискурс от речи, но в то же время относящее его именно к ее сфере, никак не поддавалось формализации в дефинициях, связанных с нерасчлененным понятием речи, и даже метафорические высказывания (Э.Бенвенист: “Дискурс – это речь, погруженная в жизнь”) не могли прояснить сущность новой категории. Две стороны речи – процессуальная и материальная – послужили основанием для современных трактовок дискурса и создания для определения его содержания частных оппозиций *дискурс – текст* и *дискурс – речевая деятельность*. При этом понятие речи, подобно двуликтому Янусу, оказалось таким же коварным, так как исследователи, выбирающие в качестве исходного пункта построения своих концепций одно из данных понятий, неизбежно упускают из виду второе, столь же существенное для понимания дискурса. В результате дискурс сводится либо к тексту в том или ином модусе его существования, либо собственно к процессу общения.

Большинство современных концепций дискурса (прежде всего зарубежных) в своих построениях исходят из понятия *текста*. Представляя французскую школу Анализа дискурса, П.Серио приводит следующее определение: “...дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования “в языке” определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс»” [7: 550]. Соответственно, предмет исследования в школе Анализа дискурса составляют тексты, во-первых, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, и, во-вторых, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью [7: 551]. Весьма близкой к данной трактовке дискурса оказывается позиция авторов “Краткого словаря лингвистических терминов”: “ДИСКУРС. Речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (сло-

весно-интонационного и паралингвистического, см. Паралингвистика) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для речевого взаимодействия” [1: 34]. Следовательно, дискурс понимается как *текст* и еще *что-то*: в первом случае – это текст и институциональные рамки, в которых он производится, и его “направленность”; во втором – текст, во всей полноте и “устремлении”, и внеязыковые факторы, определяющие его организацию и функционирование в процессе общения. Различие же между данными интерпретациями дискурса заключается в том, что в Анализе дискурса последний не является эмпирическим объектом, а выступает как теоретический конструкт; во второй трактовке, хотя дискурс и представляется как рассматриваемое особым образом речевое произведение, но все же полагается в качестве особого модуса существования текста.

Таким образом, современные трактовки дискурса “от текста” приводят как к подмене терминов в определении сторон речи: *речевая деятельность* – *дискурс* (вместо *текста*), так и к сведению многообразия феномена речи к речевому произведению (тому же *тексту*). Конечно же, подобные интерпретации существенно развивают имеющиеся у каждого исследователя интуитивные представления о дискурсе как о чем-то особом, отличном от “просто текста”. Они не ограничиваются одной лишь его лингвистической данностью, а включают текст в социальный, культурный и ментальный контекст, раскрывают значимость при создании и понимании текста его связей с “внешней” жизнью определенного социума и “внутренней” жизнью каждого индивида как условиями, определяющими его специфику: “Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань” [7: 558]. И хотя позиция французских исследователей представляется более последовательной, поскольку еще с конца 60-х годов уже прошлого столетия прежде всего благодаря работам М.Пешё понятие *дис-*

курса стало ограничиваться как от *текста*, так и *эмпирической речи* того или иного субъекта, методологические ограничения, накладываемые трактовками “от текста” на понимание дискурса, вызвали потребность в обращении к другой стороне речи – *речевой деятельности* – при определении содержания *дискурса*.

Трактовки дискурса “от речевой деятельности” свойственны лингвистическим исследованиям антропоцентрического направления и развиваются на основе противопоставления дискурса тексту как результату этой деятельности. В отечественной науке наиболее отчетливо данная позиция представлена в работах А.К.Михальской и словарс-справочнике “Педагогическое речеведение”, созданном научным коллективом под руководством Т.А.Ладыженской. В “Основах риторики” А.К.Михальской *дискурс* представляется как поток речевого поведения (т.е. фактически приравнивается к эмпирической речи определенного субъекта, против чего и возражал в свое время М.Пешё), письменной фиксацией которого выступает *текст* [5: 45 – 46]. Таким образом, *дискурс* и *текст* прежде всего разграничиваются на основе статики и динамики и при этом актуализируют такие понятия, как *речевое поведение*, *речевое событие*, *речевая ситуация* и, конечно же, *речевая деятельность* и *речевое общение*, которые составляют концептуальную базу современной лингвистической дисциплины – дискурс-анализа, изучающего структуру и единицы дискурса. При этом минимальной единицей дискурса выступает речевой акт в его общепринятом понимании. Соответственно, структура дискурса представляется как объединение и последовательное включение друг в друга иерархически соотношенных единиц: речевых актов, речевых шагов и циклов как единиц речевого поведения. *Текст* же как термин в таком описании исчезает.

Результат речевой деятельности предполагает реализацию ее цели, которая, конечно, состоит не в создании текста, но в достижении взаимопонимания. Однако при этом текст является территорией взаимодействия говорящего и слушающего,

как раз и обеспечивающей возможность обратной связи. Именно поэтому никак нельзя исключать *текст* из характеристики речевого поведения, тем более что поведение – это образ действий, модель их осуществления, система взаимосвязанных поступков. Текст не только последовательность речевых действий, поступков, но и посредник в деятельности общения.

На оппозиции *дискурс – текст* развивают свои теоретические взгляды и принципы анализа текста ученые, входящие в научный коллектив под руководством А.И. Варшавской: “Дискурс – само речевое общение, деятельность, а в ситуации создания письменного текста – это упорядоченное (в соответствии с законами жанра и с помощью различных дискурсивных приемов) изложение, подача научных знаний. Текст – это организованное единство языковых единиц и их отношений (текстовых связей), результат речевой деятельности” [4: 26]. При этом отмечается, что любой текст, а научный особенно, является продуктом не только индивидуального, но и социального опыта. Следовательно, в такой трактовке дискурс – это процесс, а текст – его результат, который отражает не столько специфику видов речевой деятельности (говорения, письма, слушания, чтения), сколько речемыслительное творчество говорящего. Соответственно, “язык рассматривается как функционирующая, действующая система не только в смысле, что акты говорения, слушания представляют собой действия, но и в том, что вербальное оформление и осуществление мысли есть процесс. <...> С этих позиций мы определяем дискурс как способ рациональной подачи знания в процессе языкового общения, а текст как форму языкового бытия дискурса, что позволяет говорить о единстве двух сторон одного явления – дискурса-текста” [4: 30]. В итоге такой логики теоретического рассуждения деятельностный подход в понимании дискурса редуцируется до способа организации содержания речевого общения: оппозиция *дискурс – текст* снимается, т.к. дискурс предстает текстом (связным выражением и сообщением мысли) в процессе речевого общения.

Безусловно, представители данной интерпретации дискурса не только утверждают значимость когнитивной составляющей процесса общения, но и обосновывают необходимость анализа текста как со стороны его содержания, так и со стороны способа его речевой организации, причем в их единстве. То или иное содержание обязательно предстает в тексте не только отражением формы речевого акта, но и как отображение коммуникативной операции, или, в терминологии авторов, дискурсивной процедуры, поскольку в процессе общения знание не просто “передается”, но и выступает в качестве тезиса, аргумента, доказательства, оценки, прогноза, вердикта, предположения, сомнения и т.д. Все это очень важно для правильной интерпретации *текста*, однако сводить анализ дискурса только к внутренней организации текста как связного изложения содержания (“рационального способа передачи знания”) – значит полностью игнорировать третью сторону соотношения, определяющего сущность дискурса, – идеологию как социальную действительность определенного социума в некий исторический период. Дискурс, как это уже было показано выше, не равен процессу речевого общения и не является его синонимом, как и не является синонимом текста – результата, точнее, продукта этого процесса: “Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями” [2: 429]. Позиция М.М.Бахтина позволяет, по нашему мнению, в определении дискурса исходить не из формулы Ф. де Соссюра “*речевая деятельность = язык + речь*”, а опираться на триаду Л.В.Щербы “*язык – речь (речевая деятельность) – языковой материал (тексты)*” в ее отношении к социальному человеку как субъекту. Ведь именно человек использует языковую систему при создании текстов в процессе речевой деятельности. Социальное же событие, по М.М.Бахтину, есть необходимое условие речевого общения: “В этой своей конкретной

связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль” [2: 439].

Как бы мы ни рассматривали дискурс – как текст, актуализированный в определенных условиях, либо как речевую практику человека или сам речевой поток – становится очевидным, что главное, в первую очередь обуславливающее специфику дискурса, – это его социальная и идеологическая природа, предопределенная утвердившимися типами речевого взаимодействия членов какого-либо коллектива. Существующие трактовки дискурса как “от текста”, так и “от речевого общения” – это прежде всего отображение методических установок и теоретических подходов к анализу данного феномена (напомним, в Анализе дискурса об этом заявлено открыто). В любом случае не дискурс является “произвольным фрагментом текста”, как это представлено в одной из самых полных дефиниций дискурса [3: 7], но наоборот, ведь даже книга, т.е. “печатное речевое выступление, также является элементом речевого общения” [2: 429]. В то же время дискурс не просто поток речевого общения, но речевое поведение субъекта идеологии, ограниченное в своем проявлении конкретными обстоятельствами жизни человека в данном социуме в хронологически очерченных рамках этапа его развития. По отношению к речевому общению *дискурс* предстает как социально детерминированный тип его осуществления, соответственно, *речевая деятельность* как способ осуществления, *текст* как форма осуществления (внешнее выражение речевого общения в языковом коде), а *язык* как средство (орудие для осуществления этой деятельности).

Обобщая все точки зрения на дискурс, можно сформулировать следующее определение: *дискурс* – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами

организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику.

При построении теоретической модели дискурса как типа осуществления речевого общения в качестве компонентов ее структуры, действительно, можно выделить факторы, определяющие специфику речевого поведения человека, и факторы, отображающие эту специфику. К компонентам модели дискурса, определяющим “внешний” контекст речевого общения, относятся традиционно выделяемые “сцена действия” и “участники”. При этом “сцена действия” характеризует *среду*, в которой осуществляется речевое взаимодействие, и определяет, *зачем* оно происходит. Компонент “участники” отвечает на вопрос, *кто* совершает речевое взаимодействие, и характеризует субъектов речевого общения в социальном плане. “Внутренний” контекст социального события речевого общения составляет компонент, определяющий, *что* является его содержанием, и характеризующий особенности когнитивных пространств взаимодействующих людей. Необходимой составляющей структуры дискурса, отображающей его обусловленность от социокультурного контекста (внешнего и внутреннего), предстает *форма* осуществления речевого общения – *текст*, отвечающий на вопрос, *как* воплощается определенный тип речевого поведения в зависимости от “социально-исторической ткани”

В каждом из четырех компонентов структуры дискурса, в свою очередь, можно выделить составляющие их элементы, “лингвистическое описание” которых и является релевантным при раскрытии сущности дискурса. Компонент *Среда* включает следующие характеристики: а) тип социального события; б) цель социального события; в) социально-идеологические условия (например, социальные запреты и табу, применение санкций к их нарушителям); г) обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства). Компонент *Социальный субъект* составляют характеристики: а) социальный статус; б) ролевые отношения; в) социальная активность участников; г) их личные отношения. Компонент *Содержание* раскрывает внутрен-

ний контекст речевого поведения субъекта по следующим параметрам: а) интенции и цели в коммуникации; б) затрагиваемые мировоззренческие позиции; в) общий фонд знаний (степень компетенции); г) знание правил, норм и стереотипов коммуникации, а также имеющиеся навыки речевого общения. *Текст* как компонент структуры дискурса, отображающий его специфику как типа речевого поведения, воплощается в определенной форме и характеризуется; а) темой речевого общения; б) отнесенностью к какому-либо речевому жанру; в) композиционным построением высказываний и последовательностью как коммуникативных операций, так и речевых актов; г) спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия. Компонент структуры дискурса *Текст* (совокупность текстов как дискурсная формация) не только отображает его специфику, но и воздействует на соответствующий тип речевого поведения социального субъекта. Однако это лишь обратное влияние и не имеющее тотального характера, вопреки мнению последователей французской традиции анализа дискурса, поскольку человек, хотя и имеет достаточно отчетливые представления о правилах отбора языковых средств и построения текста, относящегося к определенному дискурсу, тем не менее сам выбирает манеру речевого общения, либо подчиняясь принятому в данном обществе в этот исторический период дискурсу, либо разрушая его. Так, инакомыслящие в СССР подвергались преследованиям не столько за “инакомыслие” (не кухне почти все были диссидентами), сколько за публичную дискурсивную практику, шедшую вразрез с канонами политического дискурса того времени и полностью дискредитировавшую их и на родине, и за рубежом.

В целом же предлагаемое понимание дискурса и представленная модель его структуры показывают, почему именно текст в различных школах и направлениях анализа дискурса естественно выступает в качестве наиболее удобного объекта исследования, действительно позволяющего вскрыть сущность данного феномена. Кстати, именно это и объясняет либо смешение дискурса и текста, либо частую подмену одного дру-

гим, как и то, что без опоры на понятие дискурса невозможно в наше время адекватное разрешение традиционной лингвистической проблематики.

Литература

1. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин (под маской). М.: Лабиринт, 2000. С. 350-486.
3. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. Вып. 2. Тетради новых терминов, 39. М.: ВЦП, 1982.
4. Диалектика текста: В 2т. Т. 1 / Под ред. проф. А.И.Варшавской. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
5. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996.
6. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 1998.
7. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549 – 562.
8. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995.

Н.А.Илюхина

Самарский университет

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОНИМИИ)

Когнитивный подход открывает широкие возможности для лингвистических исследований, предоставляя в качестве объекта анализа категории речемышления в их проекции на язык и обеспечивая тем самым новый взгляд на языковую реальность.